

На земле города есть красивой,
Но тебе, словно другу, я рад,
Верный сын синеглазой России,
Неповерженный город-солдат.
Ни врагам ты не сдался, ни бедам,
И об этом со мной говорят
Твои улицы, площадь Победы,
Первомайский задумчивый сад.

И сквозь года, как прежде,
Плывут, плывут вдали
Под парусом Надежды
Петровы корабли,
А в сердце русском вместе
Остались на века
Воронежская песня,
Кольцовская строка.

Никому не отнять твоей славы,
Твое имя всегда на устах,
Древний город великой Державы
На высоких державных холмах.
А с холмов этих веет веками,
Колокольный доносится звон.
Осененный золотыми крестами,
Ты стоишь под ветрами времен.

И где б я только не был,
Со мной любовь одна —
Воронежское небо,
Степная сторона.
Здесь все места святые,
Мы будем их хранить,
Как мы храним Россию,
Которой жить да жить!

Станислав НИКУЛИН

СЕРЕБРЯНЫЙ КУВШИН

*В червленом щите золотая гора,
на которой серебряный кувшин,
изливающий такую же воду.*

Герб Воронежа,
утвержденный Петром I

Что стороннему может сказать человеку
этот самый родник, изливающий реку?
Я дотошным пытаньем моим убежден
в том, что это не Олымь, не Россошь, не Дон.
Но «представлено символом, сколь величаво
в крае сем расплеснулись Довольство и Слава,
сколь обильно по Божьему помыслу дан
ток Равенства и Блага для местных граждан...»
Так толкует старинная библиотека
эмблематику из позапрошлого века
в оборотах, которые, я бы сказал,
и новейший могли б выражать идеал.
Только с самого, я бы заметил, порога
мы давай отведем упованья на Бога,
примем то лишь за дело, что в наши года
мы вполне богоравные граждане, да.
Край родной с суховеями, градом и стужей
обживался крестьянской силушкой дюжей,
славу наших заводов, индустрии дань,
подвигала народа рабочего длань.
И кувшин этот самый, истекший рекою,
смастерен он такой же бывалой рукою,
чьим дареньем вошли в государственный герб
инструменты рабочие — молот и серп...
Сколь отраднo великой державе глядится
в зеркала родников, бочаги и криницы!
Ток сверкающей влаги, что всеми любим,
изливает мой край из подземных глубин.
На лугу, если жажда меня сокрушила,
я прильну к роднику, словно к жерлу кувшина.
И захлеб моего ликования таков,
будто пью из глубин не пластов, а веков.

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

ВОРОНЕЖ

Все города,
как известно,
начало берут от вокзала,
от главных проспектов,
где вечно
сутолока и суета,

но, говоря по правде,
 меня в тебе поражала
порою совсем неприметная,
 скромная красота.
Не надо экскурсоводов,
 я сам разберусь в истории
города,
 славу которого
 века — и те не сотрут,
я сам себе назначаю
 по всей твоей территории
трамвайный, за три копейки,
 неповторимый маршрут.
Лицо твое было открыто
 ветрам, горячим и хлестким,
глаза твои прямо глядели
 навстречу тысяче бед.
И мемориальные доски
 на каждом твоём перекрестке
висят, как награда
 за тысячи подвигов и побед.
Какой бы со мною случай
 в жизни ни приключился,
тебя никогда не забуду,
 и это не просто слова:
на улице Комиссаржевской
 я в средней школе учился,
На Первомайской улице
 я девушку поцеловал.
Минуя музеи и выставки,
 зданий старинных арки,
готов я часами вглядываться
 в лица твоего красоту
с памятником на площади,
 с фонтаном в Петровском парке,
с озябшими постовыми
 на Чернавском мосту.

Олег ШЕВЧЕНКО

* * *

Над Воронежем моим летят утки,
Летят утки над землей и два гуся,
И румяная, как летнее утро,
Там частушки распевает Маруся.
Каруселью раскрылась пластинка,
Современное ее чародейство...
Поздней памяти дрожит паутинка,
В ней пестрит, словно бабочка, детство.

Паутинку эту бережно тронешь,
И откликнется далекое эхо...
За Воронеж, за Воронеж, за Воронеж
Мил уехал, мил уехал, уехал...
И живем с тобою розно мы, словно
Перепутать перепутье могли мы
От дряхлеющей Петровской часовни
До безвременной отцовской могилы.
Но когда-нибудь на Севере дальнем
Или в будничной московской квартире
Стану бредить я целебным свиданьем
С этим городом, единственным в мире.
По какой-то небывалой побудке
Вновь для долгого полета проснусь я.
Захватите с собой меня, утки,
Покажите мне дорогу, два гуся!..

Ирина ОЗЕРОВА

* * *

Воронеж!.. Родина. Любовь.
Все это здесь соединилось.
В мой краткий век,
Что так суров,
Я принимаю, словно милость,
Твоей листвы звенящий кров.

Согрей меня скупую лаской,
Загладь печальные следы.
И приведи на мост Чернавский,
К раскатам солнечной воды.

И как навязчивая морочь,
Как синих чаек дальний плач,
Растает вдруг пустая горечь
Московских бед и неудач.

И что ты там, судьба, городишь?!
Тебе вовек не сдамся я,
Пока на свете
Есть Воронеж —
Любовь и родина моя.

Анатолий ЖИГУЛИН